

ЖЗ
ЖУРНАЛЬНЫЙ ЗАЛ

Русский толстый журнал как эстетический феномен

Русский Журнал

критик
полити
разум:

Последнее обновление: 18.12.2012 / 06:49

Обратная связь: zhz@russ.ru

Все проекты ЖЗ:

Новые поступления	Афиша	Авторы	Обозрения	О проекте	Архив
-------------------	--------------	--------	-----------	-----------	-------

Опубликовано в журнале:

Поиск

[«Вестник Европы» 2009, №26-27 экономика](#)

Юрий Рубинский Европейские ценности

версия для печати (71295)

ЕВРОПЕЙСКИЕ ЦЕННОСТИ

Юрий РУБИНСКИЙ*

Одним из самых расхожих терминов в современном политическом лексиконе стали «ценности». Под ними имеются в виду основные принципы устройства семьи, общества и государства, разделяемые большинством граждан. Вводя нравственные критерии в оценки отношений не только между людьми и их объединениями, но и государствами, система ценностей служит сеткой координат, вне которой утрачивается идентичность (если не сам смысл существования) любой цивилизации.

Хотя со временем ценности могут эволюционировать, их основа сравнительно стабильна. Они закреплены в нравах и обычаях, догматах и ритуалах религиозных конфессий, нормах законодательства. Их олицетворяют образы подлинных или мифологизированных героев прошлого — пророков и святых, гениев науки и культуры, великих государственных деятелей и полководцев.

«Все народы Европы имеют общую физиологию, некоторое семейное сходство. Вопреки огульному разделению их на латинскую и тевтонскую расы, на южан и северян — всё же есть общая связь, соединяющая их всех в одно целое и хорошо видимая всякому, кто поглубже вник в их общую историю. Вы знаете, что ещё сравнительно недавно вся Европа называлась христианским миром, и это выражение употреблялось в публичном праве.

Кроме общего характера, у каждого из этих народов есть ещё свой частный характер, но тот, и другой всецело сотканы из истории и традиции. Они составляют преемственное идейное наследие этих народов, — писал один из выдающихся русских мыслителей XIX в. П.Я. Чаадаев. — ... Это — идеи долга, справедливости, права, порядка. Они родились из самых событий, образовавших там общество, они входят необходимым элементом в социальный уклад этих стран. Это и составляет атмосферу Запада; это — больше, чем история, больше, чем психология: это физиология европейского человека»¹.

Этапы становления

Формирование общей системы европейских ценностей прошло ряд этапов, каждый из которых оставил после себя глубокий след. Она напоминает не монолитный обелиск, а, скорее, пирамиду, сложенную веками из разных строительных материалов.

Фундаментом этой пирамиды служит наследие античности. «На берегах и островах Эгейского моря возникла цивилизация, имеющая исключительное значение не только для своего времени и географических рамок, но и уникальная по интенсивности своего влияния на традиции культуры, в которой мы живём до сих пор», — писал британский историк Европы Дж.М. Робертс².

Древние греки передали современным европейцам представление об окружающем мире как гармоничном целом, фундаментальные категории философии, этики и эстетики, основные формы государственного строя — автократию, аристократию и демократию, предупредив об опасности вырождения их при определённых обстоятельствах в тиранию, олигархию или анархию. Хотя демократические Афины потерпели поражение в войне против аристократической Спарты, после чего ослабевшая Греция подпала под власть Македонии, затем Рима, афинская демократия, даже ограниченная рабовладением, навсегда осталась в сознании европейцев символом народовластия — решения стоящих перед государством проблем по воле большинства.

В древней Элладе родились и достигли расцвета основные виды и жанры европейской культуры — литература, драматургия, театр, скульптура, живопись, наконец, спорт, о чём до сих пор напоминают Олимпийские игры.

Не менее важным компонентом в формировании системы ценностей современной Европы стало право Древнего Рима. «Нередко говорят, что римское право является одним из столбов европейской цивилизации. Это действительно так», — констатирует британский историк Европы Норманн Дэвис³.

Само латинское слово «lex» («закон») переводится как «связь», т.е. взаимозависимость между членами общества. Хотя своды законов были уже гораздо раньше — в деспотиях Древнего Востока от Хаммурапи до Моисея, где они переплетались с религиозными установлениями, именно римское право впервые юридически отделило гражданскую сферу жизни от публичной, закрепило понятие частной собственности, ввело в качестве способа решения гражданских споров открытый состязательный процесс между равноправными сторонами, в рамках которого суд выносит приговор на основе писаного законодательства. «Duralexsedlex» («Суров закон, но он закон») гласит латинская формула, украшающая до сих пор судебные учреждения многих европейских стран.

Римская правовая культура стала основой самой эффективной для своего времени гражданской и военной администрации — чётко структурированной системы управления

государством, где каждый носитель власти имел строго определённый круг полномочий и ответственности. Она продолжала бесперебойно функционировать даже при правлении императоров-тиранов вроде Калигулы или Нерона.

Важнейшим истоком европейских ценностей стало христианство. Придя в Европу с Ближнего Востока и превратившись за три столетия из гонимой иудейской секты в государственную религию Римской империи, оно образовало в Европе основу духовной культуры. 10 заповедей Ветхого завета и евангельская проповедь любви к ближнему, милосердия, покаяния на протяжении двух тысячелетий служили десяткам поколений европейцев моральным компасом в житейском море.

Это особенно характерно для Европы Средних веков, когда христианская вера безраздельно определяла общественное сознание. С христианством тесно связаны такие кардинальные ценности европейского феодального общества, как кодекс рыцарской чести, верности вассала сеньору, куртуазного служения Прекрасной даме, мечта о мистическом Граале — кубке с обращённой в вино кровью Спасителя, символизовавшая вечный поиск идеала. Романтическую тоску по этим ценностям, тронутую грустной иронией, олицетворяет «рыцарь печального образа» — Алонсо Кихана Добрый, известный у нас под именем Дон Кихота.

В истории европейского христианства было немало мрачных страниц — жестокие преследования еретиков, охота на ведьм, костры инквизиции, исступление крестовых походов и кровавых религиозных войн, обскурантизм и фанатичное мракобесие. Они послужили суровыми уроками, включив в систему ценностей европейцев (к сожалению, до сих пор далеко не всех) такие фундаментальные понятия как веротерпимость, уважение к религиозным меньшинствам.

Вековая борьба за первенство между светской и духовной властями — императорами и папами на Западе, базиливами или царями и патриархами на востоке Европы завершилась, в конечном счёте, отделением в большинстве европейских стран церкви от государства и школы от церкви, закреплением в Конституциях секулярного принципа свободы совести, не допускающего дискриминации за религиозные убеждения или их отсутствие.

Если античность и христианство послужили истоками европейских ценностей, то решающими вехами в их исторической эволюции стали эпохи Ренессанса и Просвещения. Апеллируя к античным образцам, мыслители-гуманисты Ренессанса поставили человека в центр мироздания, провозгласили его мерой всех вещей. Широко раздвинув горизонты Европы в ходе великих географических открытий, а Земли — во Вселенной, Колумб, Магеллан, Коперник помогли европейцам осознать безграничные возможности человеческого ума и воли, а Леонардо да Винчи и Микеланджело — величие творческого гения⁴.

В годы Ренессанса и Реформации состоялось формирование такой характерной черты психологии западноевропейцев, как либеральный индивидуализм. Под этим термином, имеющем нередко негативные коннотации, имеется в виду отнюдь не просто чёрствое, себялюбивое равнодушие к окружающим и способность жертвовать интересами других людей во имя своих. Речь идёт о чувстве собственного достоинства, независимости от чьих либо милостей, о готовности к риску, к личной ответственности за свои поступки.

Материальными предпосылками Ренессанса стало бурное развитие торговли, банковского дела, потеснивших свойственное феодализму натуральное хозяйство. Средневековая

культура деревни, замка, монастыря уступала городской с её ремесленными цехами, купеческими гильдиями, выборными магистратами и коммунальными свободами. Мануфактурное, затем фабричное производство на основе наёмного труда брало верх над крепостничеством и земельной рентой.

«Традиция частной собственности подготовила подъём рыночной экономики, являющейся одной из характерных черт европейского континента. Со времён Ренессанса обмен товарами между ведущими европейскими странами, путешествия ради торговли, отправление в путь судов, гружённых тканями, продовольствием, винами или инструментами, становится повседневной практикой», — писал бывший премьер-министр Франции Доминик де Вильпен5.

Поистине капитальный вклад в формирование системы европейских ценностей внесло Просвещение. Блестящая плеяда философов XVIII в. — Вольтер, Руссо, Дидро, Даламбер провозгласили критический разум, не признающий ни предрассудков, ни традиционных авторитетов, единственным инструментом познания законов окружающего мира и его перестройки на рациональных началах. Среди интеллектуальных элит Европы наука начала постепенно теснить религию как ведущая форма общественного сознания.

Именно энциклопедисты ввели понятие естественных прав человека и гражданина, нашедших выражение в бессмертном лозунге Великой Французской революции 1789 г. — Свобода, Равенство, Братство. Нанеся сокрушительный удар по сословным привилегиям дворянства и духовенства, по неограниченной власти абсолютных монархов, она стала решающим этапом в утверждении европейской демократии.

Эта революция дала мощный импульс пробуждению у европейских народов национальных чувств. Якобинцы недаром называли себя патриотами. И это не ограничивалось одной Францией. В ходе революционных, а затем наполеоновских войн подданные лоскутных династических империй и княжеств, подняв оружие против иноземного гнёта, впервые почувствовали себя полноправными гражданами, главными защитниками свободы и независимости своих отечеств.

«Весна народов» — революция 1848 г. оставила европейцам в качестве не только принципа международного права, но и моральной ценности право наций на самоопределение. Оно стало мощным катализатором объединения раздробленных веками Германии и Италии, освобождения народов Балкан от оттоманского господства, Ирландии — от британского, Польши — от русского и немецкого, Чехии и Словакии — от австрийского. Демократия и национальная идея стали, каждая по-своему, основными двигателями модернизации общественной жизни Европы XIX в., обогатив систему её духовных ценностей.

К середине этого столетия начавшаяся в Англии первая промышленная революция выдвинула на повестку дня грозный «социальный вопрос». Стремительное развитие индустрии на базе капиталистического способа производства сопровождалось подъёмом рабочего движения, послужившего питательной почвой для идей социализма.

На уровне ценностей основой всех социалистических течений — утопических, социал-христианских, марксистских, анархо-синдикалистских, социал-демократических, наконец, коммунистических, было стремление к социальной справедливости, преодолению неравенства между меньшинством собственников средств производства и большинством работников наёмного труда. Конкретные формы борьбы европейских социалистов за

достижение этих целей варьировались в широком диапазоне — от частичных реформ в рамках рыночной экономики до бескомпромиссной классовой борьбы.

На рубеже XX в. европейская цивилизация достигла апогея своего расцвета. Европа, население которой составляло четверть человечества, далеко превосходила все остальные континенты в том, что касалось науки, экономики, культуры, военной мощи. Европейские державы разделили планету на колониальные империи и сферы влияния. Именно в европейских странах были сделаны величайшие открытия, изменившие представления людей о законах мироздания — теория относительности, квантовая теория, явление радиоактивности и т.д. Изобретение двигателя внутреннего сгорания, создание автотранспорта, авиации, радиосвязи предвещали вторую промышленную революцию. Модернизм в искусстве обновил каноны художественного творчества.

Именно в этот момент внутри, казалось, прочно сложившейся системы европейских ценностей появились глубокие трещины. Идеология либерализма столкнулась не только с сопротивлением вчерашнего противника — традиционалистских авторитарных монархий в преимущественно аграрных странах, но и с вызовом нового — в лице социализма. Вместе с тем всем им стала всё серьёзнее угрожать волна воинствующего национализма.

Единство в многообразии

Французский философ XVIII в. Блез Паскаль как-то иронически заметил, что «истина по одну сторону Пиренеев становится заблуждением по другую». Действительно, исторически сложившаяся общность основных цивилизационных параметров европейских народов отнюдь не означала их слияния в единую континентальную нацию. Британский историк Европы Норманн Дэвис обоснованно указывает на различие между самими понятиями европейской цивилизации и составляющих её культур, которые сохраняют национальную самобытность: «Цивилизация есть сумма всех идей и традиций, унаследованных от античности и христианства, которая была привита на местные культуры народов Европы извне, сформировав общее наследие. Напротив, культура вырастает изнутри, из повседневной жизни каждого народа. Она формируется из всего того, что является специфической особенностью данной нации — её родного языка, фольклора, религиозных течений, неприятия чужих»⁷.

Система ценностей является, по сути дела, связующим звеном между общей европейской цивилизацией и её национально-культурными компонентами, своего рода равнодействующей между центробежными и центростремительными силами на континенте.

Основными этнолингвистическими группами народов Европы, говорящих почти исключительно на индоевропейских языках, являются германская с её англосаксонским и скандинавским ответвлениями, романская и славянская. Помимо языков, их разделяют разные масштабы, территории, численность населения, климатические условия, конфессии, а главное — исторические судьбы.

Южные, средиземноморские народы — итальянцы, французы, испанцы, португальцы, румыны, бывшие некогда под властью Рима, унаследовали от него романскую языковую основу и писанное римское право. В конфессиональном отношении они принадлежат в основном (кроме православных греков и румын) к римско-католической церкви, управляемой Ватиканом.

Со своей стороны, северная германо-скандинавская группа (немцы, голландцы, англичане, шведы, норвежцы, датчане, исландцы), где римское присутствие было менее чувствительным или не существовало вообще, сохранили, помимо собственных языков, многие черты обычного, прецедентного права и исповедуют, главным образом, различные формы протестантизма — лютеранство, кальвинизм, англиканство.

Стоящие лингвистически особняком угро-финские народы (венгры, финны, эстонцы, мордва, черемисы и т.д.), а также баски и албанцы культурно тяготеют к соседним ареалам.

Культурно-конфессиональный водораздел между Севером и Югом Европы не всегда совпадает с государственными границами. Он проходит порой внутри отдельных государств — не только многонациональных Бельгии и Швейцарии, но также Германии. Если её южные и западные земли, составлявшие некогда часть Римской империи, после религиозных войн XVI в. остались католическими, то северо-восточные приняли протестантизм.

Особое место в германской лингвистической группе занимают народы Британских островов: если англичане являются в основном потомками пришельцев из Германии и Скандинавии — англосаксов и норманнов, то шотландцы, уэльсцы и ирландцы ведут своё происхождение от кельтских этносов и принадлежат к римско-католической церкви. Они существенно отличаются культурно, конфессионально и психологически от народов континентальной Европы.

Ещё более заметны внутрицивилизационные грани на востоке Европы. Хотя все славянские народы принадлежат к одной языковой группе и культурно созвучны, история разделила их на три различные ветви.

Западные славяне — поляки, чехи, словаки, словенцы после раскола христианской церкви остались католиками и используют латинский алфавит. Экономически, а отчасти и культурно, одна часть их была долго связана узами истории со Священной Римской империей германской нации, а затем — с Австро-Венгрией, в то время как другая, особенно поляки — скорее с романским культурным ареалом.

Напротив, южные славяне — сербы, черногорцы, македонцы, болгары (как и восточные) приняли христианство от греческой Византии, сохранив после раскола 1054 г. верность православию и кириллице. Подпав на 500 лет под владычество турецко-мусульманской Османской империи, они отстояли в упорной борьбе свои языки, культуру, религию, но сохранили в быте и праве некоторый восточный колорит.

Результатом оказались свойственная Балканам этноконфессиональная чересполосица и острота национальных противоречий, превратившая полуостров в «пороховую бочку» Европы. Именно там вспыхнула Первая мировая война, поводом для которой послужило убийство сербским националистом Гаврилой Принципом австрийского эрцгерцога Франца-Фердинанда. В ходе кровавого распада Югославии в 90-х гг. XX в. размежевание прошло во многом по бывшим границам между Австро-Венгрией и Османской Портой, оставив с одной стороны католиков — словенцев и хорватов, а с другой — православных сербов.

Самая многочисленная и значительная по территории подгруппа восточных славян — русские (великороссы), украинцы и белорусы, общей колыбелью, которой была Киевская Русь, смыкаются с южными в верности православию и кириллице. Тем не менее,

цивилизационные, в т.ч. ценностные факторы нередко отступают у них перед геополитическими. Например, Болгария, обязанная России освобождением от турецкого владычества, тесно связанная с ней конфессионально, культурно, на уровне традиций, оказалась в двух мировых войнах в лагере её противников, тогда как романская и католическая Франция, нуждавшаяся в противовесе германской угрозе, стала союзницей России.

Со времён крещения Владимиром киевлян в 988 г. восточное славянство, точно также, как южное или западное, оставалось органической составной частью христианской Европы, разделяя систему её ценностей. Дочери великого князя Ярослава Мудрого были замужем за королями Франции, Венгрии и Норвегии, купеческие республики Великого Новгорода и Пскова входили де-факто в Ганзейский союз на Балтике вместе с немецкими и скандинавскими городами.

Церковный раскол, а затем вторжение в середине XIII в. татаро-монголов, за которым последовало 240-летнее господство принявшей вскоре ислам Золотой Орды, существенно изменили ситуацию. Русь оказалась надолго отрезанной от Западной и Центральной Европы, оставшись в стороне от важнейших этапов формирования её культурной идентичности. Даже после того, как русские княжества, преодолев усобицы, сплотились вокруг Москвы и сбросили монгольское иго, последствия этой изоляции давали о себе знать очень долго.

Именно тогда возник спор о пределах Европы, который продолжается до сих пор. На западе ими считаются Атлантический океан, на севере — Северное и Балтийское, на юге — Средиземное моря. Между тем на востоке эта граница, формально проходящая по Уралу, сугубо условна. Уже в XVI в. Московское царство завоевало Сибирь, раздвинув свои пределы далеко вглубь Азии — до Тихого океана, а на некоторое время даже до Аляски и восточного побережья Тихого океана. Сложившееся в результате гигантское евроазиатское пространство оказалось, ввиду крайней малочисленности коренного населения, цивилизационно практически однородным.

В связи с этим вопрос о восточной границе Европы перерос из географического в культурный и политический — о принадлежности России к европейской цивилизации, вообще, и о системе её ценностей, в частности.

Мнения на этот счёт разделились как на Западе, так и в самой России. Западноевропейские путешественники и дипломаты, посещавшие Московию в XV–XVII вв., — посол императора Священной Римской империи Сигизмунд фон Герберштейн, шведского короля — епископ Пауль Юуустен, папы римского иезуит Антонио Поссевино и многие другие рисовали нашу страну в мрачных красках⁸.

«Россия Ивана III, затем Василия III (1505–1533 гг.) выглядит в западном подсознании как варварская страна — антипод европейской культуры и обычаев. Убеждённые в превосходстве западной культуры, на олицетворение которой они претендовали, редкие западные наблюдатели, путешествовавшие тогда по России, наперебой подчёркивали в своих записках варварство и грубость нравов русского двора и его глубокое культурное невежество, сочетающееся с самодовольством», — пишет современный историк отношений Западной Европы с Россией Мари-Пьер Рей⁹.

Эта инерция сохранялась и после реформ Петра I, который модернизировал по европейским образцам административную систему страны, её армию, образ жизни и вкусы правящей элиты. Представление об имманентной цивилизационной

несовместимости Европы и России из-за её континентальных масштабов, евроазиатской географии, сложной истории, наконец, этноконфессиональной неоднородности прочно укоренилось в сознании значительной части западноевропейских элит.

Концентрированным отражением этого устойчивого психологического стереотипа стали путевые заметки Астольфа де Кюстина, вышедшие в свет в Париже в 1843 г.

Типичный представитель легитимистской аристократии, оппозиционной режиму либерально-буржуазной Июльской монархии во Франции той эпохи, маркиз де Кюстин отправился в самодержавную Россию в поисках подтверждения своих взглядов и был принят в верхах тогдашнего российского общества, включая самого императора Николая I, довольно благосклонно. Однако увиденное шокировало французского визитёра до такой степени, что отчёт о его путешествии стал суровым обвинительным актом российскому самодержавию и продолжает играть немалую роль в борьбе мнений вокруг России на Западе вплоть до наших дней¹⁰.

Отмечая многие реальные черты николаевской действительности — произвол верхов, бесправие и раболепие низов, мздоимство и казнокрадство чиновничества, полицейскую слежку и недоверие к иностранцам, смесь враждебности к Западу со спесью и тайной завистью к нему, Кюстин пытался объяснить их некими перманентными геополитическими особенностями страны.

Его основной тезис сводился к тому, что необходимость сохранить контроль над огромной территорией с плохими средствами сообщения и этнически неоднородным населением чуть ли не фатально придаёт российскому государству черты азиатской деспотии, где власть самодержца не ограничена, по сути, никакими законами или автономными общественными институтами. В поисках легитимности эта власть окружает себя квази-византийским ритуалом обожествления и гонится за военно-имперским величием вовне путём территориальной экспансии, стимулируемой отсутствием естественных границ. Результатом оказывается хроническое истощение потенциала страны, препятствующее превращению её в процветающую цивилизованную нацию.

Хотя тенденциозность автора имела следствием множество фактических ошибок, преувеличений и просто передержек (например, обвинений русских в неспособности к оригинальному творчеству и в слепой подражательности достижениям Европы), его памфлет имел значительный успех, который объяснялся вполне определёнными причинами.

Хроническое отставание России от Западной Европы в экономике, технике, но особенно по жизненному уровню и бытовой культуре, обрекавшее её на догоняющее развитие, внушали европейцам чувство превосходства. Вместе с тем, гигантские масштабы страны, её значительный военный потенциал, закрытость от внешнего мира порождали недоверие и страх. Стремление России к незамерзающим морям — Чёрному и Балтийскому, дававшим выход к мировым торговым путям, сталкивало её с западными соседями — Швецией, Ливонским орденом, Польшей, Литвой и их союзниками на Западе, подкрепляя представление о, якобы, извечном русском экспансионизме. Эта типично фрейдистская комбинация противоположных комплексов наносила образу России в глазах европейской общественности значительный ущерб¹¹.

Однако на Западе негативный образ России никогда не был ни общепринятым, ни однозначным. Немалая часть политико-интеллектуальной элиты западноевропейских

стран всегда проявляла к России пристальный интерес, окрашенный порой искренней симпатией.

Этот интерес определялся, прежде всего, геополитическими причинами. Уже в XV в. папа римский искал после падения Константинополя помощи у царя Ивана III против мусульманской Османской империи, чьи войска подходили к стенам Вены. Со своей стороны Москва не раз пыталась создать антитурецкий союз, причём иногда небезуспешно (до тех пор, пока ослабление Порты не сделало её объектом соперничества между Россией, Австрией и Англией).

Реформы Петра I сделали Россию одним из главных участников европейского «концерта держав», в рамках которого она выступала союзницей в альянсах, направленных против гегемонистских притязаний наполеоновской Франции и имперской Германии. В свою очередь, вплоть до объединения Германии в конце XIX в. Россия играла роль арбитра между ведущими германскими государствами — Австрией и Пруссией. Династия Романовых породнилась со многими немецкими и датскими княжескими фамилиями, представительница которых принцесса Ангальт-Цербская вошла в историю как императрица всея Руси Екатерина II. С ней переписывался Вольтер, посещал в Санкт-Петербурге Дидро, считавшие её олицетворением «просвещённого абсолютизма». Общность интересов России, Пруссии и Австрии цементировалась тремя разделами Польши — до тех пор, пока создание Бисмарком Германской империи, нарушившее прежний баланс сил в Европе, не привело к франко-русскому союзу в 1891 г. и англо-русскому в 1907 г.

В постпетровской России выходцы из германского дворянства («балтийские бароны») играли видную роль в придворных кругах Российской империи, в её армии, дипломатии, администрации, промышленности и торговле, в науке и культуре. Сотни тысяч немецких крестьян и ремесленников, приглашённых Екатериной II на постоянное жительство в Россию, способствовали развитию городских ремесел и создали процветающие сельскохозяйственные колонии в Причерноморье и Поволжье¹².

После Великой Французской революции 1789 г. в Россию хлынул поток эмигрантов, спасавшихся от якобинского террора. Некоторые представители аристократических фамилий Франции заняли высокие посты на русской службе (губернатор Одессы герцог Ришелье, Южной Новороссии — граф де Ланжерон, морской министр маркиз де Траверсе). Многие французские эмигранты стали гувернёрами и гувернантками, воспитав поколения русской дворянской элиты.

Ещё во времена Ивана Грозного английский капитан Ченслер открыл торговый путь в Россию через Белое море, результатом чего стало развитие русско-британских торгово-экономических, а позднее, уже в XIX в. — и промышленных связей. Основа могущества Великобритании — её королевский флот в значительной мере зависел от ввоза русского леса, льна, пеньки и сала.

Интенсивные дипломатические, военные, торгово-экономические связи Российской империи с Европой дополнялись культурными. Мериме, Готье, Дюма и многие другие представители западной интеллектуальной элиты открыли для Европы богатства русской культуры. Благодаря гению Толстого, Достоевского, Чехова она стала органической частью европейской цивилизации, открыв духовному миру Европы особое, свойственное русской культуре гуманистическое послание.

В западноевропейской общественной мысли утвердилось своеобразное русофильское течение. Наиболее широкое распространение оно получило в Германии, прежде всего в творчестве Иоганна Готфрида Гердера. Последователь Канта, предтеча немецкого романтизма конца XVIII в., друг Гёте, он страстно искал противовес рационализму французского Просвещения в возврате к корням народной культуры, её образной мифологии и мистике. Концентрированное выражение всех этих черт он видел в России.

Резюмируя взгляды Гердера на историческую миссию русского народа, историк и политолог А.И. Уткин пишет: он отмечал в русских «умственную подвижность, гениальную восприимчивость, широту охвата, талантливость, живость, отзывчивость, природное дружелюбие, твёрдость, упорство, а также несомненную противоречивость, излишнюю податливость внешним впечатлениям... Гердер увидел в России то необходимое дополнение Западу, которое, как он надеялся, совместит рационализм и сердечность, энергию и эмоциональность, твёрдость воли и отзывчивость души. Гердер увидел в русских носителей высокой гуманности, чуткой совести, самоотверженного человеколюбия»¹³.

После Великой Французской революции самодержавная, крепостническая Российская империя стала оплотом контрреволюционных коалиций, а с 1815 г. — Священного союза монархов. Естественно, что к ней идейно тяготели представители консервативных сил, которые всячески пытались приукрасить российскую действительность, причём иногда в весьма гротескной форме. «Все книги полны утверждений о русском деспотизме и рабстве. Однако я могу вас заверить, что нигде человек не является столь свободным делать всё, что захочет. Крайности смыкаются таким образом, что правление произвола отливается во многие республиканские формы», — писал виднейший идеолог европейской реакции Жозеф де Местр, долго живший в Санкт-Петербурге в качестве посланника короля Сардинии¹⁴.

В свою очередь, демократические движения, враждебные самодержавному «жандарму Европы», видели своих естественных союзников в российских революционерах — от декабристов до социал-демократов. Половинчатые, незавершённые, но всё же реальные реформы в годы царствования Александра II — отмена крепостного права, судебная, земская, административная, военные реформы, затем появление после революции 1905 г. легальных политических партий, зачатки парламентаризма приветствовались либеральной общественностью на Западе как свидетельство движения России к Европе.

Зеркальным отражением двойственности образа России на Западе (но как бы с обратным знаком) оставалось восприятие Европы Россией, в котором не менее причудливо переплетались противоположные чувства — тяготение и отталкивание.

Со времён раннего Средневековья русские княжества были вынуждены противостоять не только степным кочевникам, а затем ордынскому господству, но и немецким рыцарям и Польско-литовской державе на западе. Хотя цивилизационно азиатская Золотая Орда была несравненно более чуждой Руси, чем западные соседи, последние воспринимались ею порой ещё более враждебно. Первые несли с собой грабёж, уплату дани, увод в рабство, тогда как вторые — потерю не только части территории и населения, но и культурной и духовной самобытности. Ордынцы, принявшие ислам, не стремились навязать его покорённым славянским народам, тогда как геополитическая экспансия европейцев сопровождалась прозелитизмом — систематическими попытками обращения, нередко принудительного, православных христиан в католичество. Между тем для Руси времён владычества Орды православная церковь служила гарантом сохранения национально-культурной идентичности и важным инструментом сплочения в единое

государство, способное сбросить чужеземное иго. Не удивительно, что окончательное освобождение в 1480 г. Великого княжества Московского сопровождалось переносом из Киева в Москву митрополии, а затем учреждением собственной православной патриархии.

После захвата Константинополя турками-османами папа римский Павел II активно содействовал браку Зои Палеолог, племянницы последнего византийского императора, жившей в изгнании в Риме, с великим князем Московским Иваном III. Папа надеялся не только получить тем самым сильного союзника против Оттоманской империи, но и подготовить почву для перехода русской православной церкви под эгиду Ватикана.

Брак состоялся 12 ноября 1472 г., но не оправдал расчётов папского престола. Зоя Палеолог вернулась к православию, приняв имя Софьи, а Иван III, приняв по собственному почину титул царя (т.е. «цезаря»), провозгласил себя наследником византийских императоров, равным императору Священной Римской империи германской нации в Вене¹⁵. Идеологической основой российского государства стал тезис, сформулированный монахом Елизарьевского монастыря Филофеем, провозгласившим Москву оплотом истинного христианства — «третьим Римом» — («Два Рима пали, третий стоит, а четвёртому не бывать»).

Оценивая смысл этого тезиса, историк русского православия Дмитрий Стремоухов отмечал, что в контексте эпохи он отражал не агрессивно-наступательные, мессианские, а скорее изоляционистские установки: «Христианский универсализм Византии ревизовался, превратившись в узких рамках московского национализма в свою противоположность»¹⁶.

Стремление Московского государства подчеркнуть своё отличие от «латинской» Европы, сохранить верность традициям старины значительно усилилось после Смутного времени начала XVII в., когда под угрозой оказалось само существование государства.

Вместе с тем в московских верхах постепенно зрело понимание того, что, будучи изолированным от западного образования, науки, техники, специалистов, страна обречена на маргинализацию, на положение полуазиатских провинциальных задворков европейской цивилизации. Именно это подготовило почву для беспрецедентных по решительности, а порой и по варварской жестокости, реформ Петра Великого, прорубивших России «окно в Европу».

Петровская «революция сверху» была сопряжена с огромными издержками — не только людскими и материальными, но также духовными. Между европеизированным, причём весьма поверхностно, тонким слоем служилого дворянства, бюрократии, нарождавшейся городской буржуазии и интеллигенции, с одной стороны, и народными массами, прежде всего закрепощённым, тёмным, неграмотным крестьянством, с другой — возник глубокий разрыв не только в культуре, образе жизни, быте и нравах, но даже в языке. По существу в послепетровской России сложились две разные, во многом даже противоположные системы ценностей. Такого разрыва в Западной Европе не бывало нигде¹⁷.

Отрыв российских элит от народа усугублялся не менее глубоким расколом самих элит на тех, кто стремился довести модернизацию общества до европейских стандартов — отмены крепостного права, конституционных гарантий основных гражданских свобод, создания выборных представительных учреждений, и их противниками, сопротивлявшимися переменам во имя защиты исконных традиций.

Хотя борьба между консерваторами и либералами, а затем между либералами и социалистами была общей чертой общественно-политической жизни всех европейских стран, в России культурный раскол вылился в жёсткое противоборство несовместимых ценностей. По существу это был конфликт между двумя моделями развития страны — азиатским и европейским, выбор между которыми был крайне затруднён двойственностью — географической, исторической и культурной.

При этом оба лагеря были крайне неоднородны. Так, эстафета сторонников европеизма передавалась от Новикова и Радищева либеральному окружению молодого Александра I, затем декабристам, либеральным «западникам», творцам реформ Александра II, кадетам и, в конечном итоге, социал-демократам.

Символ веры российского западничества наиболее чётко сформулировал один из его духовных отцов П.Я. Чаадаев: «Уже триста лет Россия стремится слиться с Западной Европой, заимствует отсюда все наиболее серьёзные свои идеи, наиболее плодотворные свои познания и свои живейшие наслаждения. Но вот уже век и более как она не ограничивается этим. Величайший из наших царей, тот, который, по общему мнению, начал для нас новую эру, которому, как все говорят, мы обязаны нашим величием, нашей славой и всеми благами, которыми мы теперь обладаем, полтора столетия лет назад отрёкся от старой России... С тех пор мы принадлежим Европе и Западу»¹⁸.

Напротив, защитники особого, отличного от Европы пути для России, резко осуждая деятельность Петра I, обвиняли его в разрыве с духовными ценностями русского народа, в насильственном навязывании ему чуждых порядков, следствием чего стала утрата нравственных ориентиров, органично присущих России.

Лагерь традиционалистов был идейно не менее разношёрстен, чем западников. Он включал не только твердолобых реакционеров — охранителей, поклонников известной формулы графа Уварова «Самодержавие, православие, народность» или черносотенных погромщиков-националистов. В нём пребывали и либеральнее славянофилы (Киреевский, Хомяков, братья Аксаковы), революционные и либеральные народники, искавшие путь к социализму через крестьянскую общину, их преемники-эсеры.

Русские путешественники от Карамзина до Салтыкова-Щедрина, а порой даже непримиримые по отношению к царизму политэмигранты, в своих заметках о европейских порядках зачастую бывали не менее суровы в их оценке, нежели европейцы в отношении России. Восхищаясь европейским уровнем жизни, комфортом, культурой, они резко осуждали мещанское самодовольство многих европейцев, их меркантильную расчётливость, чёрствый эгоизм, вседозволенность (разумеется, по российским меркам) нравов, лицемерие.

Тем не менее, как уже отмечалось, в целом к началу XX в. могло показаться, что в эволюции европейской системы ценностей, в т.ч. по оси Восток-Запад, равнодействующая направлена на сближение. При этом европейцы, по-прежнему, претендовали на то, что обладают системой, представляющей собой совокупность общечеловеческих ценностей, а, следовательно, вершину мировой цивилизации.

Однако события пошли иным путём. Никогда за долгую историю Европе не приходилось переживать столь тяжёлых испытаний, приведших континент на грань катастрофы. Роковой датой для судеб Европы стало 1 августа 1914 г. — день начала Первой мировой войны.

Кризис и возрождение

История Европы во многом была историей войн. Важнейшими вехами в становлении культуры Древней Греции явились воспетая Гомером в «Илиаде» Троянская война, персидские, Пелопоннесская войны, наконец, победоносные походы Александра Македонского. Древний Рим строил своё мировое величие на италийских, пунических войнах, на завоевании господства на Средиземном море, поглощении половины европейского континента, Ближнего Востока, Северной Африки. После Галльской войны Юлия Цезаря армия окончательно стала главной силой в государстве, выдвигая и свергая императоров.

Феодалная Европа Средних веков жила в условиях перманентных междоусобных войн, являвшихся источником и смыслом существования рыцарства. Столетняя, Тридцатилетняя, Семилетняя войны, войны за испанское, австрийское, польское наследство, кровавая череда наполеоновских походов, Крымская, Австро-прусская, Франко-прусская, многочисленные балканские войны определили границы современных европейских государств.

Однако все эти войны в основном сохраняли внутрицивилизационный характер. Напротив, мировые войны XX в. дважды приводили к межцивилизационному расколу. Тем самым возникла почва для появления в Европе качественно нового феномена — тоталитаризма, несовместимого с традиционной системой европейских ценностей.

Мировые войны оказали сильнейшее психологическое воздействие на умы европейцев, заставив их существенно пересмотреть прежние представления о месте Европы в мире, а вместе с тем о сути и историческом призвании европейской цивилизации вместе с присущей её системой ценностей.

«Мы, цивилизации, — мы знаем теперь, что мы смертны, — с горечью писал вскоре после окончания Первой мировой войны французский эссеист Поль Валерий. — ...Мы видим, что бездна истории достаточно вместительна для всех. Мы чувствуем, что цивилизация наделена такой же хрупкостью, как жизнь»¹⁹.

В межвоенный период Освальд Шпенглер и Арнольд Тойнби смело выступили против высокомерного европоцентризма, признав культурное, а, следовательно, и ценностное равноправие всех цивилизаций, неизбежно проходящих, по их мнению, через одни и те же последовательные циклы с фазами зарождения, подъёма, расцвета и упадка²⁰.

В приложении к Европе этот тезис имел в виду беспрецедентный факт — исход военных действий, начавшихся между европейцами внутри Европы, был впервые решён двумя автономными, отпочковавшимися от неё ветвями европейской цивилизации, расположенными — полностью или частично — за её географическими пределами — Советским Союзом и Соединёнными Штатами Америки, которые и определили последствия этих войн.

Главным из них был раскол Европы на противоположные общественные системы и военные блоки с несовместимыми ценностными ориентирами. Каждая из них стала сферой влияния одной из двух сверхдержав — СССР и США, столкнувшихся в холодной войне за торжество своих идеологий в глобальном масштабе.

Другим, не менее важным следствием двух мировых войн явился распад колониальных империй европейских держав, ускоренный ослаблением метрополий и падением их

престижа в глазах коренного населения. Завоевавшие в ходе деколонизации независимость страны «третьего мира» стали, наряду с самой Европой, важнейшим объектом, а порой и полем боя в холодной войне.

В условиях биполярного мира, относительная стабильность которого покоилась на советско-американском ядерном «равновесии страха», европейские страны должны были волей-неволей расстаться с притязаниями на мировое лидерство не только в экономическом и военно-политическом, но в цивилизационном плане. В первые годы после окончания Второй мировой и в начале холодной войны могло показаться, что удел стран Западной Европы — растворение в евроатлантическом пространстве под эгидой США, а Восточной и Центральной Европы — в «социалистическом лагере» под эгидой СССР.

Однако такое представление оказалось ошибочным. Естественной реакцией на упадок роли Европы как одного из важнейших центров мироустройства стало движение за её объединение.

Проекты такого рода, вдохновлявшиеся воспоминаниями о средневековой империи Карла Великого, которая объединяла все будущие государства континента (без Византии), восходят к XVII–XVIII вв. В 1613 г. герцог Сюлли, министр короля Франции Генриха IV, выдвинул план создания своего рода федерации всех христианских монархий Европы с ограничением их суверенитета. В 1713 г. аббат Сен-Пьер предложил разрешать впредь споры между монархами Европы не оружием, а путём арбитража, третейского суда на основе международного права.

Столетие спустя великий социалист-утопист Сен-Симон опубликовал на эту же тему объёмистый труд под заголовком «О реорганизации европейского общества или необходимости и средствах объединить народы Европы в единую политическую организацию при сохранении каждой политической независимости». Европейцев призывали к единству Байрон, Мадзини, Гюго, видевшие единственный путь к миру и прогрессу европейских народов в создании «Соединённых Штатов Европы». В начале XX в. этот же лозунг получил хождение в кругах Шинтернационала.

После Первой войны аналогичные планы пропагандировали австрийский граф Рихард Куденхове-Калерги и министр иностранных дел Франции Аристид Бриан, чей план федеративной «пан-Европы» долго, но безрезультатно обсуждался в Лиге Наций.

Все эти планы терпели крушение по одной и той же причине — столкновения экономических и политических интересов национальных государств, крупнейшие из которых (Франция, Германия, Великобритания) безуспешно пытались осуществить объединение Европы под своей эгидой. Однако к середине XX в. подобные притязания утратили реальную почву. Побеждённые во Второй мировой войне — Германия, расколотая на два государства, и Италия были временно вычеркнуты из числа субъектов мировой политики, победители — Великобритания и Франция пребывали в крайне ослабленной ситуации.

Последнее, однако, не помешало бывшему британскому премьеру Уинстону Черчиллю выступить 19 сентября 1946 г. в Цюрихе с очередным призывом к созданию Соединённых Штатов Европы путём примирения между двумя ведущими континентальными державами — Францией и Германией, конфликты между которыми на протяжении XX-ого столетия служили главной причиной европейских и мировых войн. Этот призыв прозвучал всего через полгода после речи того же Черчилля в Фултоне (5 марта 1946 г.),

которая дала сигнал началу холодной войны против СССР и его доминирования на Востоке Европы.

За цюрихским призывом Черчилля последовали первые практические шаги — формирование общественно-политического Европейского движения, которое провело в 1948 г. в Гааге конгресс, давший импульс к созданию Совета Европы (СЕ). Объединив впоследствии 46 европейских государств, СЕ, обосновавшись в Страсбурге, провозгласил целью принятие европейской Декларации прав человека (1949 г.) и её претворение в жизнь. Тем самым традиционные европейские гуманитарные и демократические ценности впервые стали приобретать международно-правовую основу.

Следующей важнейшей вехой в процессе строительства единой Европы стала речь французского министра иностранных дел Робера Шумана. 8 мая 1950 г. он предложил объединить две базовые тогда экономические и военно-стратегические отрасли (производство и сбыт угля и стали) Франции, ФРГ, Италии, Бельгии, Голландии и Люксембурга с тем, чтобы сделать впредь «материально невозможными» франко-германские войны. Год спустя на основе плана Шумана было создано Европейское объединение угля и стали (ЕОУС), верховный орган которого возглавил известный французский промышленник и политик Жан Моне. 25 марта в Риме шесть стран-участниц ЕОУС подписали договор о создании Европейского экономического сообщества (ЕЭС) и Европейского сообщества по атомной энергии (Евратом). Тем самым был дан старт экономической, а затем политической интеграции, ставшей с тех пор, вплоть до наших дней, основным содержанием общественной, а отчасти и культурной жизни стран Западной и Центральной Европы. Важнейший плод этой интеграции — Европейский Союз, число членов которого увеличилось за полвека с 6 до 27, превратился в один из основных полюсов силы глобализирующегося мира.

Успехи евростроительства были изначально во многом обусловлены внешними факторами. Создание ЕОУС, затем ЕЭС произошло в годы, когда политическое мышление западноевропейских элит определял, прежде всего, страх перед мощью СССР и контролируемым им коммунистическим движением. Именно этот страх толкал их на поиски экономической помощи и военных гарантий безопасности за океаном. Со своей стороны США были заинтересованы в создании в Западной Европе единого экономического пространства — значительного рынка сбыта, сферы приложения капиталов и военно-политической опоры перед лицом СССР.

Хотя на первых порах общеевропейские институты выглядели всего лишь как экономическое продолжение Североатлантического союза, смысл происходившей интеграции не исчерпывался императивами холодной войны. Она с самого начала отражала интересы самих западноевропейских стран — как побеждённых во Второй мировой войне, прежде всего Германии, стремившейся к равноправию, так и победителей, искавших рамки для контроля над возрождением мощного экономического и военного потенциала вчерашнего противника.

Главным же было то, что интеграция отвечала объективной необходимости, обусловленной выходом производительных сил Европы за узкие рамки национальных границ в условиях, когда на фоне распада колониальных империй основные интересы бывших метрополий оказались сосредоточенными в Европе. Именно сама динамика интеграционных процессов обеспечила их неуклонное развитие, несмотря на конфликты между участниками, кризисы и откаты.

При всём этом, одних экономических и геополитических факторов было недостаточно для достижения цели, поставленной инициаторами евростроительства — создать прочное сообщество европейских народов, невзирая на разделяющие их этнические, культурные, языковые и конфессиональные различия. Для этого была необходима единая система ценностей. И она, действительно, сложилась: «Европейский Союз основан на ценностях, которые мы все разделяем — уважении к правам человека, свободе, справедливости, демократии и господстве закона — ценностях, постепенно развивавшихся на протяжении веков и во многом обязанных христианской традиции и Просвещению. Успех европейской интеграции будет всегда уходить своими корнями в эти ценности», — констатировала канцлер ФРГ Ангела Меркель, принимая обязанности председателя ЕС в первой половине 2007 г.²¹

Это общее ценностное измерение, закреплённое впоследствии в т.н. «копенгагенских критериях» для кандидатов на вступление в Евросоюз, помогло ему расширить свои рамки от первоначального «твёрдого ядра» (Франция, ФРГ, Италия, Бельгия, Голландия, Люксембург) на Британские острова, Скандинавию, Средиземноморье, Балканы. Именно оно позволило добиться сначала эрозии рудиментов фашизма на юге Европы — авторитарных и тоталитарных режимов в Испании, Португалии, Греции, а затем, после падения берлинской стены, присоединения бывших социалистических стран Центральной и Восточной Европы.

Конец холодной войны и биполярного мира, крушение режимов советского образца поставили ребром вопрос о дальнейших судьбах европейской цивилизации — её отношениях с США, государствами постсоветского пространства, прежде всего Россией, великими цивилизациями Азии, Африки, Латинской Америки.

По мере того как общий враг — «призрак коммунизма», уходил в прошлое, отношения Европы и США подвергались всё более серьёзной переоценке. Несмотря на заверения обеих сторон о незыблемости союзнических обязательств в рамках НАТО и солидарности Запада на основе общих ценностей, разрыв между их интерпретациями по обе стороны Атлантики постепенно углублялся. «Пришло время перестать делать вид, что у европейцев и американцев один и тот же взгляд на мир, и даже что они живут в одном и том же мире, — писал один из идеологов американского неоконсерватизма Роберт Кейган. — Пути Америки и Европы расходятся по самому важному вопросу — о силе, о её эффективности, морали и желательности»²². Причину различий Кейган видел в коренном изменении баланса военных сил между Европой и США в пользу последних. Отметая ссылки европейцев на различие геостратегического положения партнёров по НАТО и их исторического опыта, он обвинял Европу в малодушном капитулянтстве перед новыми глобальными угрозами, продиктованном заботой о сохранении своего материального комфорта под прикрытием щита американской мощи. А это-де возлагает на США не только задачу обеспечения, как и во времена холодной войны, безопасности Запада, но и миссию продвижения его демократических ценностей в мировом масштабе.

Со своей стороны, т.н. «старая Европа» — государства-основатели ЕС, прежде всего Франция и Германия, примирение которых положило начало евростроительству, а тесное сотрудничество послужило его мотором, стали всё больше сомневаться в эффективности и целесообразности американской стратегии. Провалы Вашингтона в Ираке, Сомали, Судане, бессилие в урегулировании израильско-палестинского конфликта, неспособность предотвратить распространение ядерного оружия вызвали мощную волну антиамериканских настроений в «третьем мире», особенно мусульманском.

Между тем обрушившееся на США финансовое цунами, положившее начало сильнейшему мировому кризису, со всей очевидностью поставило под вопрос притязания США на роль диктатора, навязывающего миру в качестве образца свою экономическую модель («вашингтонский консенсус»).

Тяжёлый удар по той самой системе ценностей, на стопроцентное воплощение которой претендуют США, нанесли в глазах европейцев ограничение гражданских прав и нарушения прав человека (Гуантанамо, Ирак, «секретные тюрьмы» ЦРУ в Европе и т.д.) в ходе борьбы против международного терроризма.

В результате между американской и европейской моделями общества, объединённых рамками евроатлантических структур, американизацией бизнеса, быта, «массовой культуры», наметилось психологическое размежевание: если основные принципы рыночной экономики и плюралистической демократии остаются для них общими, то по ряду немаловажных ценностных установок налицо многочисленные нюансы.

В устах европейских критиков англо-саксонского «финансового капитализма», его основной порок имел не столько технико-экономическую, сколько ценностную природу.

Топ-менеджеров крупнейших частных корпораций, прежде всего американских, обвиняли в том, что в погоне за многомиллионными бонусами или субсидиями при поступлении на должность и уходе с неё в виде пакетов акций управляемых компаний вне зависимости от их прибыли («золотые парашюты»), руководители шли на безответственные риски в ходе биржевых спекуляций, фальсифицировали отчёты своих компаний, строили дутые финансовые пирамиды, заведомо обречённые на крах. Тем самым подрывалась моральная основа капитализма, построенная на описанной М. Вебером протестантской этике — упорном труде, экономии, жёстком самоограничении, сочетании смелой предпринимательской инициативы с точным расчётом и чувством ответственности — не только индивидуальной, но и социальной — работодателя перед обществом, которая приносилась в жертву безграничной алчности, пропитывающей «общество потребления». «Вскрывая масштабы перекосов финансового капитализма, предоставленного самому себе, его непомерные издержки для общества, кризис продемонстрировал срочную необходимость определения нового кодекса правил, способного предотвратить подобные перекосы в будущем и переместить центр тяжести финансовой системы в сторону её подлинной функции — финансирования реальной экономики», — подчёркивал президент Франции Никола Саркози в октябре 2008 г., когда его страна осуществляла председательские функции в Евросоюзе²³.

Внешнеэкономические провалы и мировой экономический кризис заставили большинство американского общественного мнения и правящих кругов существенно пересмотреть свою стратегию как внутри страны, так и во вне. Это нашло непосредственное отражение в курсе, провозглашённом Б. Обамой, вступившем на пост президента США в начале 2009 г.

Его первоначальные шаги, вызвавшие волну сочувствия в мире, явно улучшили образ США за рубежом, в т.ч. в Европе, смягчили климат трансатлантического партнёрства. Вместе с тем Обама не скрывает, что его целью остаётся «мировое лидерство» США, достижение которого вооружённая «жёсткая сила» (прежде всего в Афганистане) будет лишь более широко дополняться «мягкой» — многосторонней дипломатией, помощью развития, сотрудничеством перед лицом глобальных вызовов, прежде всего экономических. Иными словами, притязания Вашингтона на роль цивилизационного образца, в т.ч. на уровне общечеловеческих ценностей, полностью остаются в силе.

Между тем Европа сохраняет в этом коренном вопросе собственную позицию. Суровые уроки мировых войн, кризисов и тоталитарных диктатур побудили европейцев искать и находить компромиссы между категориями, которые выглядели ещё в недавнем прошлом противоречивыми, а порой даже несовместимыми: веры и разума, индивидуализма и солидарности, свободной конкуренции и социальной защиты, рынка и государственного регулирования, наконец, ревливой защитой национально-культурной идентичности и сознанием принадлежности к единому цивилизационному центру с общей судьбой — к Европе. Именно этот синтез, пусть далеко не идеальный, объясняет сохранение европейской системой ценностей всеобщего измерения. «Хотят того или нет, но евростроительство осуществляется defactona базе ценностей, которые подаются как универсальные», — отмечает директор Французского института международных отношений (ИФРИ) Тьерри де Монбриаль²⁴.

Однако важнейшим козырем современной Европы в глазах представителей иных цивилизаций является отказ от претензий на исключительность, от попыток навязать себя неевропейским народам, принадлежащим к иным цивилизационным ареалам, в качестве принудительного образца для подражания с помощью силы («жёсткой» или «мягкой»). Для Европы романтика киплинговского «бремени белого человека» навсегда принадлежит прошлому.

Если в годы деколонизации жители бывших колоний решительно отторгли наследие метрополий, то полвека спустя оно порой оборачивается для них ценным подспорьем в борьбе за преодоление отсталости. Именно это объясняет сохранение тесных культурных связей Великобритании не только с США и Канадой, но и с Индийским субконтинентом, Франции — с Африкой, Нидерландов — с Индонезией, Испании и Португалии — с Латинской Америкой.

Европу сближает с ними общее стремление сохранить свою духовную идентичность в глобализированном мире, грозящем стереть национально-культурное своеобразие народов, стран и регионов: «Европа колеблется между стремлением определить свою территорию, обычаи, правила и духом завоевания, открытия внешнему миру, духом который толкает её всё дальше вперёд. Она не может сделать выбора между сосредоточением на себе самой, подкрепляющим её идентичность, и поисками новых пространств, которые отвечают её особому гению. Это беспрестанное колебание между консерватизмом и движением является характерной особенностью европейской судьбы», — отмечал Доминик де Вильпен²⁵.

Разумеется, поиск баланса между противоречивыми стремлениями даётся не просто. Это особенно проявляется в отношениях между Западом Европы — Евросоюзом и постсоветским пространством, прежде всего Россией. Раскол Европы после Второй мировой войны — не только социально-экономический и военно-политический, но также идеологический и, следовательно, ценностный, добавил к прежним разделительным линиям между её Востоком и Западом новую. Даже через два десятилетия после падения берлинской стены, за которым последовали крах режимов советского образца, а затем вступление стран Центральной и Восточной Европы в Евросоюз и НАТО, контрасты как в уровнях развития экономики, так и в менталитете жителей западных и восточных земель воссоединённой Германии ещё ошутимо дают себя знать.

Двойственность отношений между Западной Европой и Россией, вызывавшая раскол внутри элит, по-своему давал о себе знать не только в послепетровской Российской империи, но и в советский период. Партия большевиков пришла к власти как сугубо «западническая» сила — революционное крыло международной, прежде всего,

европейской социал-демократии — под флагом родившихся в Европе марксистских идей. Для в.И. Ленина и Л.Д. Троцкого Октябрь 1917 г. должен был стать началом мировой социалистической революции, для которой Россия была лишь отправной точкой.

Поэтому на протяжении первого десятилетия советской власти СССР выступал в роли знаменосца универсалистских идей, свойственных тогда европейской интеллектуальной традиции. Прошлое России осуждалось как «тёмное царство» реакции, православная церковь подвергалась гонениям, а из национально-культурных традиций принималось только те, которые выглядели как предтеча революции. При этом жёсткое противостояние капиталистическому Западу, включая Европу, сочеталось с активной поддержкой там коммунистического движения.

Однако по мере того, как мечты о мировой революции рассеивались, а Сталин приступал к строительству «социализма в одной стране», идейное кредо режима претерпевало существенные изменения. Сбылось предвидение философа-эмигранта Н. Бердяева, считавшего, что Третий, Коммунистический Интернационал на российской почве рано или поздно станет лишь советским изданием идеи «Третьего Рима»²⁶.

Модернизационный пафос индустриализации всё сильнее подкреплялся мотивами советского патриотизма. В истории России подчёркивалась позитивная роль царей-строителей империи (Ивана Грозного, Петра I).

Эта смена вех получила новый мощный стимул в период Второй мировой войны, когда Сталин стал апеллировать к патриотическим ценностям русского народа, памяти «великих предков». В официальной идеологии победа в Великой Отечественной войне оттесняла на задний план поблекшие воспоминания о революционной романтике Октября в качестве главного источника легитимации режима.

С расколом антигитлеровской коалиции и началом холодной войны национал-патриотические мотивы советской пропаганды переросли в антизападную, в т.ч. антиевропейскую агрессивность. Кампании против «безродного космополитизма», за утверждение «отечественного приоритета» во всех науках способствовали самоизоляции СССР от внешнего мира, в т.ч. от Западной Европы, где начавшийся процесс евростроительства изображался как симптом возрождения германского реваншизма под эгидой США.

Однако открытый разрыв руководства СССР с интернационалистскими истоками режима был невозможен. Только коммунистическая идеология, даже окостеневшая и потерявшая кредитоспособность, оправдывала ценностями социализма провалы экономики, подавление инакомыслия, привилегии номенклатуры внутри страны. Она же обосновывала навязывание странам Центральной и Восточной Европы режимов советского образца, обеспечивала, наряду с материальной помощью, контроль КПСС над международным коммунистическим движением, наконец, распространяла влияние Москвы на ряд стран «третьего мира» благодаря поддержке антиколониальных, затем просто любых антизападных движений.

Двойственность ценностного багажа Советского Союза — сочетание консервативно-охранительного и национал-изоляционистского кредо внутри страны и «соцлагеря» с революционным прогрессизмом вовне объясняла контрастность образа СССР в представлении европейских элит вплоть до 70-х гг. XX в. Для коммунистов и их попутчиков из числа представителей левой интеллигенции СССР представлялся если не идеальным воплощением светлого будущего человечества, то, во всяком случае, единственным оплотом в борьбе против несправедливостей буржуазного общества,

угрозы фашизма и войны. Напротив, в глазах их противников — от консерваторов и правых либералов до многих социал-демократов он выглядел смертельной опасностью для европейской цивилизации и всех её традиционных ценностей.

В конечном счёте, именно внутренняя противоречивость советских ценностей, разрывавшихся вместе с политикой послесталинского СССР между интернационалистским мессианством и имперским высокомерием, сыграла важную роль в крахе режима.

Традиционная дихотомия между Европой и Азией на духовном, цивилизационно-ценностном уровне, так и в поисках оптимальной социально-экономической модели, государственного строя, внешнеполитического курса сохранилась и в постсоветской России.

С середины 80-х гг., когда заканчивалась холодная война, в политико-интеллектуальных кругах перестроечного СССР преобладали западнические, особенно европейские настроения. «Мы — европейцы. С Европой Древнюю Русь объединило христианство, — утверждал первый и последний президент СССР М.С. Горбачёв. — ... Европа «от Атлантики до Урала» — это и историко-культурная целостность, объединяемая общим наследием эпохи Возрождения и Просвещения, великих философских и социальных учений XIX–XX вв.»²⁷ Отсюда вытекала формула «Европа — наш общий дом», которой так не было суждено обрести конкретное воплощение.

Данная инерция ещё более усилилась в первой половине 90-х гг., когда в коридоры власти правопреемницы бывшего СССР — Российской Федерации на короткое время пришла группа молодых представителей либеральной интеллигенции. Их целью были решительный разрыв с советским прошлым, создание в кратчайшие сроки основ рыночной экономики и плюралистической демократии, а также сближение с евроатлантическими структурами по самому широкому кругу международных проблем.

Определённые результаты на этом пути были, безусловно, достигнуты. Однако их экономическая эффективность оказалась ограниченной, а социальная цена — чрезмерно высокой. Между тем значительное ослабление военного потенциала России, зависимость её экономики от кредитов международных финансовых институтов (МВФ, Всемирный банк), контролируемых США, серьёзно подорвали позиции Москвы на международной арене, что вылилось в серию унижительных внешнеполитических неудач, особенно на Балканах.

В результате уже в конце 90-х гг. XX, но особенно в начале XXI вв., в российском обществе, тяжело переживавшем национальное унижение, произошёл коренной перелом настроений. В официальном дискурсе представителей правящих кругов зазвучали национал-патриотические мотивы. Они находят идеологическую подпитку в подъёме антизападных, клерикальных и почвеннических течений, отстаивающих для России особый «евразийский» путь и свою систему ценностей, представленную формулой «Державность, духовность, соборность»²⁸.

Материальной основой подобных тенденций определённое время служило ускорение темпов экономического роста, прежде всего благодаря высоким мировым ценам на энергоносители — основной статьёй экспорта России, и доходов её бюджета, обеспечив политическому руководству поддержку большинства общесовещности.

На фоне всё более частых конфликтов между ЕС и Россией по широкому кругу экономических и политических вопросов — от условий энергодиалога до войны в Чечне, прав человека, демократии и свободы СМИ может показаться, что европейская ориентация России, в т.ч. на ценностном уровне, надолго снята с повестки дня.

Такое мнение разделяют некоторые западные аналитики, считающие, что ответственность за это лежит на обеих сторонах. «Европа понимает — со всех сторон она может столкнуться с серьёзными вызовами. Но чувствует себя, как всегда, центром мира и считает, что должна поэтому стабилизировать своё окружение через экспорт т.н. гуманитарных ценностей, или западных либеральных ценностей, — констатирует директор программ России и СНГ Германского совета по внешней политике Александр Рар. — ... Интересный пример — попытки интегрировать Турцию в Европу через либеральные ценности. Ведь можно было бы подумать о том, чтобы Россию тоже в Европу включить. Но этот вариант сейчас отключают, понимая, что это слишком дорого и трудно, приведёт к слишком большой неразберихе. Всё меньше и меньше людей сейчас будет придерживаться идеи России внутри Европы. Процесс идёт в противоположную сторону»²⁹.

Стремясь преуменьшить такую опасность, некоторые российские политики предлагают своеобразную гипотезу, согласно которой ценности России и Европы по существу идентичны, а западная критика России за отступления от демократии или нарушение прав человека отражают всего лишь банальные конфликты финансово-экономических интересов «хозяйствующих субъектов», в частности продавцов и покупателей энергоресурсов.

«Сегодня с Россией пытаются вести дела с упором на «разрыв в ценностях». Это непродуктивно. Ценности могут быть близкими, а интересы — расходиться. Даже у стран Евросоюза интересы подчас разные. Россия принимает европейские ценности. Они несколько не угрожают её интересам», — считает председатель комитета Совета Федерации по международным делам Михаил Маргелов, призывая «приспособить европейские ценности» к условиям всех стран европейского континента³⁰. Данная точка зрения выглядит явно противоречиво — если ценности одни и те же, то нет и необходимости приспособлять их к тем или иным противоречивым интересам, будь то России к ЕС или наоборот.

Высказываются, однако, и иные оценки. Они исходят из того, что объективные реалии глобализованного многополярного мира начала XXI в. властно диктуют России и Евросоюзу необходимость поисков общего знаменателя на уровне, как интересов, так и ценностных установок, которые больше совпадают, нежели сталкиваются.

Такая необходимость особенно подчёркивается суровыми реалиями мирового кризиса, в которой России, глубоко интегрированной в глобализованную мировую экономику, не удалось остаться, как надеялись её лидеры, «островом стабильности».

Падение цен на основные статьи российского экспорта — сырьё и энергоносители, рецессия производства, рост безработицы заметно сузили свободу маневра правящих кругов как внутри страны, так и за рубежом, заставляя искать совместные прагматические решения со всеми партнёрами, в т.ч. главным из них — Евросоюзом как в преодолении кризиса, так и в модернизации структуры экономики, политического режима, а в конечном счёте, и ценностных ориентиров, которые не могут оставаться обращёнными только в прошлое — советское или имперское.

Следует, однако, иметь в виду, что попытки обусловить компромиссы по конкретным вопросам предварительными уступками России по ценностным подходам, заведомо контрпродуктивны: «В отношениях с ЕС помогла бы деидеологизация наших обсуждений, взаимный выбор в пользу перевода нашего сотрудничества на прагматическую основу, поиска выверенного баланса между общими ценностями, интерпретации которых неизбежно разнятся, и общими интересами. Всё остальное пройдёт само — по мере выработки взаимодействия в совместной работе», — отмечал министр иностранных дел РФ Сергей Лавров.

Подводя общий итог, можно констатировать, что к началу третьего тысячелетия европейские ценности по-прежнему представляют собой важный, хотя и не единственный элемент ценностей общечеловеческих. Главная проблема, с которой сталкивается мир в XXI в. — поиск модели гармоничных взаимоотношений различных цивилизаций путём взаимной «притирки» присущих им систем ценностей, которые должны не исключать, а дополнять и обогащать друг друга. Любой иной путь чреват сползанием к катастрофе.

Сноски

Рубинский Юрий Ильич, профессор, доктор исторических наук, руководитель * центра изучения Франции Института Европы РАН

¹ Чаадаев П.Я. Статьи и письма. М., Современник, 1989. С. 44–45.

² J.M. Roberts. The Penguin History of Europe. L., Penguin Books, 1997. P. 23.

³ N. Davies. Europe. A history. Oxford, N.-Y., Oxford University Press, 1996. P. 821.

⁴См. Виннер Б.Р. Итальянский Ренессанс XIII–XVI века. Т. I–II. М., Искусство, 1977; Э. Гарэн. Проблемы итальянского Возрождения. М., Прогресс, 1986.

⁵ J. Semprun, D. de Villepin. L’Homme européen. Plon. P., 2005. P. 36–37.

⁶ P. Kennedy. The Rise and Fall of the Great Powers. L., Fontana Press, 1988. P. 255.

⁷ N. Davies. Europe. A history. Oxford, N.-Y., Oxford University Press, 1996. P. 821.

⁸La Moscovie du XVIe siècle Vue par un ambassadeur occidental Herberstein. P., Calmann-Lévy, 1965.

⁹ M.-P. Rey. Le Dilemme russe. La Russie et l’Europe occidentale d’Ivan le Terrible à Boris Eltsine. P., Flammarion, 2002, P. 27.

¹⁰ Marquis de Custin. La Russie en 1839. Т. I–II. P., Solin, 1990. Сокращённый русский перевод: Маркиз А. де Кюстин. Николаевская Россия. М., Изд-во политической литературы, 1990.

¹¹ M. Malia. Russia under Western Eyes. From the Bronze Horseman to Lenin Mausoleum. The Belknap Press of Harvard University Press, 1999.

- ¹²В 1850 г. численность постоянно проживавших в России немцев достигала 90 тыс. См. М.-Р. Rey. LeDilemmerusse. P. 150.
- ¹³ Уткин А.И. Вызов Запада и ответ России. М., Магистр, 1997, С. 92.
- ¹⁴Цит. по: Luigi MascilliMigliorini — Napoléon. P., Perrin, 2004. P. 369.
- ¹⁵Это подчёркивалось принятием в качестве герба России эмблемы Византии и Священной Римской империи — двуглавого орла, смотрящего на запад и на восток, в Европу и в Азию.
- ¹⁶ D. Stremoukhov. Moscow the Third Rome: Sources of the Doctrine // In M. Cherniavsky. The Structure of Russian History: Interpretative Esseys. N.-Y., 1970. P. 108–125.
- ¹⁷См.: L.J. Oliva. Russia and the West from Peter to Khrushchev. Boston, 1970.
- ¹⁸ Чаадаев П.Я. Ук. соч. С. 149–150.
- ¹⁹ П. Валерии. Об искусстве. М., Искусство, 1976. С. 105.
- ²⁰ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Гештальт и действительность. М., Мысль, 1993.
- ²¹ A. Merkel. AnagendaforEurope. The World In 2007 // The Economist, 21st edition. P. 50.
- ²² R. Kagan. Power and Weekness // Policy Review, 2002, № 113.
- ²³World policy conference. Premiere édition, 6-8 octobre 2008, Evian, France. P. 691.
- ²⁴ T. de Montbrial. Il est nécessaire d'espérer pour entreprendre. Penseurs et bâtis seursn / Editions des Syrtes. P., 2006. P. 281.
- ²⁵ G. Semprun, D. de Villepin. L'Homme européen. P. 15.
- ²⁶ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., Наука, 1992. С. 139.
- ²⁷Эти течения черпают свой идейный арсенал у «евразийского» направление межвоенной «белой» эмиграции (кн. Трубецкой, Савицкий и др.).
- ²⁸Независимая газета, 30.01.2007.
- ²⁹Независимая газета, 21.03. 2007.
- ³⁰ Лавров С. Мир не стал безопаснее // НГ-Дипкурьер, 25 декабря 2006 г.

[в начало страницы](#)

© 2001 Журнальный зал в РЖ, "Русский журнал" | Адрес для писем: zhz@russ.ru
По всем вопросам обращаться к [Татьяне Тихоновой](#) и [Сергею Костырко](#) | [О проекте](#)
